

Проф. С. Я. Лурье

КРИТО-МИКЕНСКИЕ НАДПИСИ И ГОМЕР

Авторы «Илиады» и «Одиссеи» хотели дать в своих поэмах картину того времени, когда были начертаны крито-микенские надписи. Благодаря наличию старой литературной традиции, воспоминаний и пережитков им удалось эту задачу (если отвлечься от ряда анахронизмов) в той или иной мере выполнить. Вполне естественно поэтому искать объяснения этих надписей в гомеровских поэмах и, наоборот, привлекать эти надписи для комментирования гомеровских поэм. По этому пути и пошли Вентрис и Чадвик и достигли замечательных результатов. Но вполне естественно также, что первые шаги в этом направлении иногда не были свободны от натяжек и преувеличений; иногда достаточно было чисто внешнего случайного сходства в звучании или оформлении, чтобы формула надписи отождествлялась с тем или иным гомеровским выражением. Образцом такого преувеличения может служить одно место из статьи Вебстера в журнале «Antiquity» (№ 113, 1955, стр. 10), где утверждается, что греки микенской эпохи были настолько проникнуты духом эпической поэзии, что даже свои коммерческие счета и выкладки писали стихами; так, он считает, что начало надписей An 1 и An 35 написано дактилем, а начало надписей Cn 608 и In 829 — ямбами. Не говоря уже о том, что стихи получаются ценой натяжки и притом плохими, нетрудно видеть, что короткую фразу из нескольких слов часто не составляет труда представить в виде стиха.

Наиболее поразительными по своей близости к изображению обстановки героического времени у Гомера оказались недавно опубликованные кипросские надписи группы Та. Эти надписи представляют собой инвентари («паспорта») художественной мебели¹: столов (topesa, τῶρπεζα), кресел (topo, θρόνος), скамеечек для ног (taranu, θρηῆνος). Они приготовляются из различных пород дерева: из akarano (грушевого дерева — ἄκρανον < ἄκραδν²), kutesejo (может быть, из κυτίσος; Вентрис переводит «черное дерево»), gaejo (м. б., λάσιος от слова λάς «камень» или какое-то очень твердое, «каменное» дерево), mir¹a (μελίτζς, из ясеня). Они инкрустированы слоновой костью (егера, ἐλέφας), кианом (kuvano, синей сталью? ляпис-лазурью? особой пастой из стекла?), золотом (kuruso) или лигатурой серебра (pakaive, παραργύριε), снабжены (ajameno) барельефными изображениями

¹ Наше толкование этих надписей в основном заимствовано из «Studies» Вентриса.

² Чтение Вентриса akarano = ἄκρανος «безголовый» не дает смысла: после topesa «стол» на втором месте в надписях всегда указывается, из какого дерева стол сделан (gaeja, kuteseja, mir¹a) или из слоновой кости, eperateja. С ἄκραδνός ср. ἄδνός, ἀλαπιδνός, ὀπιδνός, στεγνός.

людей (azirijari, ἀνδριάνται), львов (revori, λιφόρτσι), бычьих голов (qo-kara), пальм (ponike, ponikipi), орехов (karupi)¹, изображением человека с лошастью (atoroqo iqoqe = ἀνθρώπου ἰππῶι τε) или каракатицы (roguroze), птиц (onitijari) и т. д. Столы имеют иногда форму полумесяца (Ta 642, 2: шепоеја) и различное число ножек: шесть (veresa²), девять (enevoresa).

Кресла снабжались еще подвесками из золота или слоновой кости (707: kurasari opikereminijari; 708: epeatejari opikereminijari, kuruso opikereminija = χρυσῶ ἀμφικελεύμα — Та 714. Ср. Hesych.).

В надп. Та 641, 711 и Tn 996 даны также описи художественной посуды и утвари. Здесь описываются (Та 711) кувшины (qetana), украшенные спиралями (toqizovesa), бычьими головами (qoukara), изображениями женщины (kunaja = γυναια) и раковин (kokireja = κογχυλεια); кувшины названы двух сортов — «царицыны» (vanasevija) и «комендантские» (amotevija). В надп. Та 641 описываются треножки (τριπόδες) и чаши (δέπα) без ручек или с двумя, тремя или четырьмя ручками — это поясняется идеографическими изображениями. В надп. Tn 996 даны лишь названия и идеограммы: revoterejo (= λιφόρτσιον) с изображением вапны, izogo (ὑδρος «ведро») и рядом изображение ведра, piazra (ζιζλιη) с изображением чаши, [aripore]ve (ἀμφιφορεϊς) с изображением амфоры; ср. написание ariporeve и такое же изображение в кносской надписи Uc 160 r1.

Так же художественно отделялись слоновой костью боевые колесницы в Кноссе (Sd 0401 и сл.; ajatena epeate), на них были покрывала пурпурные (ponikeja) или пунцовые (mitovesa, μιλοφείσσα), палобники для лошадей в одном случае из слоновой кости (epeatejo oроqo, ἐλέφαντειῶι ἐπόπῶι, Sd 0403); обычно — кожаные (virinejo oроqo).

Если мы перейдем теперь к Гомеру, то увидим, что эти описания очень близко соответствуют описанию художественной мебели, посуды и конской сбруи у Гомера даже по словесному оформлению. Обычные эпитеты в надписях toresa veresa, epevoresa звучат как раз как в «Илиаде» (XI, 628): τραπέζαν κικανπέζαν³. kivano и kivanijo упоминаются и в надписях Та 642,1 и 714,3 с причастием ajatena. На первый взгляд может показаться, что речь здесь идет о разных вещах — что в надписях говорится о деревянных предметах, лишь обложенных или инкрустированных слоновой костью, золотом, серебряным сплавом и кианом, а у Гомера — об изделиях сплошь из киана, серебра и золота. Действительно, в надписях всегда указывается, из какого дерева сделана мебель; поэтому ajatena может означать только «обложенная», «инкрустированная». Однако и у Гомера при слове κικανπέζαν стоит второй эпитет εὔροον, а в «Od.», XIX, 55 рядом с διωκτῆν ἐλέφαντι καὶ ἀργύρῳ читается ἤν ποτε τέκτων ἐποίησε, «которую сделал плотник»; следовательно, и здесь речь идет о деревянной мебели, лишь обложенной металлом, слоновой костью или кианом. Значит, здесь совпадение между надписями и Гомером полное.

В надписях читаются названия стульев с приделанными к ним скамеечками для ног (707, 1, 3: tono... taranuce ajateno) и скамеечек, инвентаризируемых отдельно от стульев (напр., в надп. Та 721 и 722); в некоторых случаях из текста не видно, представлял ли стул и скамеечка одно целое (надп. Та 708 и 710). Но так же обстоит дело и у Гомера: в «Od.», XIX, 55 описывается кресло, κλισίη, и скамеечка, приделанная

¹ Та 722. См. надп. SIG², 588 (в SIG³ отсутствует) III в. до н. э. — инвентарь сокровищ делосского храма — здесь говорится много раз о чашах, украшенных изображением орехов — φιάλη καρῶτος — из различных мест Греции (стк. 40, 42, 50, 80—82, 181).

² veresa (Fέζεσα) означает «шестиногая» (здесь мы имеем древнейший пример катахрезы: τραπέζα Fέζεσα, τραπέζα ἐνεαπέζα).

³ Ср. II., XVIII, 355: Θέτις ἀργυράπεζα.

к нему — *καὶ ὑπὸ θρόνων ἔθηκε προσφυσέ(α) ἐξ ἀντήρς*. В «Od.», XVII, 462 рассказывается, как Антиной швырнул скамеечкой в Одиссея (*καὶ θρόνον ἐλὼν βάλε...*), следовательно, здесь скамеечка не была скреплена со стулом; в других случаях (II., XIV, 128; XVIII, 359) из текста не видно, представлял ли стул со скамеечкой одно целое.

В надписях, как мы видели, подробно описаны рельефные украшения; у Гомера этого нет, но о том, что такие украшения были, мы узнаем из выражения *θρόνος καλὸς δαιδάλεος* (II., XVIII, 389, Od., I, 125).

Эти совпадения между Гомером и надписями весьма показательны, и поэтому неудивительно, что Вентрис провел это сближение несколько дальше, чем следовало бы. В Od., XIX, 55 читается: *κλισίην... δῖονωστην ἐλέφαντι καὶ ἀργύρῳ, ἣν ποτὲ τέκτων ποίησ(ε)*, а в надп. Та 642: *ερεпate aјameпa qe q i n o t o*; Вентрис сближил эти выражения и пришел к выводу, что *qeqinoto* = *δῖονωστη*, *carved* («снабженное барельефом»)¹. С лингвистической стороны это сближение очень сомнительно; по общему мнению языковедов, корень *δῖν-* «вращать» не имел *g^u* в начале; с ним сопоставляют скр. *diyati*, «летать», ирл. *dian* «быстрый», латышск. *dīt* «танцевать» и т. д. Но на первый взгляд совпадение действительно поразительное — однако только на первый взгляд. *δῖονωστη* в Od., XIX, 55 согласовано со словом *κλισίη*, «стул», и является определением к нему; как мы видели, оно может означать только «обложенный», «инкрустированный». Таким же определением, согласованным со словом *τορеса* «стол», в надписях (и в частности в Та 642) является слово *ajameпa*, имеющее тот же смысл; слово же *qeqinoto* согласовано не с *τορеса*, а с *ερεпate*, и, следовательно, является каким-то эпитетом слоновой кости. *Δῖονωστη* имеет дополнением *ἐλέφαντι καὶ ἀργύρῳ*; в надписях такие дополнения имеют всегда не *qeqinoto*, а *ajameпa* (*ερεпate*—Та 642, 2; 708, 1; *kuruso*—Та 714,1—3; 716,1; *kuvano parakeveqe* = *κυζων: παρὰργυρεῖ τε*—642,1; 714, 1 и 3). Так как *ajameпa* и *qeqinotena* часто стоят рядом, напр., в Та 642, то, очевидно, это не одно и то же. *qeqinotena* встречается еще в пилосской надписи Va 482—в акте о приеме егера (слоновой кости) должностным лицом (*akosota*); и здесь, как и в надписи Та 642, *qeqinotena* — эпитет слоновой кости².

Что же означает *qeqinotena*? Уже в своей статье в ВДН я понял это слово как *πεπινωμένος*, как лат. *inquinatus*, но я неправильно перевел это слово, поняв его в позднейшем смысле как «загрязненный». Между тем, первоначальный смысл глагола *πινω*, *inquinō* — иной. Глагол *πινω* в греческом языке имел, как и *μυαίνω*, первоначально положительный смысл «покрываю краской», и только позже оба эти глагола получили смысл «загрязняю»³. Словом *πινω* обозначалась простая, яркая старинная окраска⁴. Такой же смысл имело первоначально и латинское *inquinare*⁵.

Мы приходим к выводу, что речь здесь идет о крашеной слоновой кости. Слоновая кость, действительно, в описываемое Гомером время окрашивалась в пурпур; об этом мы узнаем из «Илиады» (IV, 141), при-

¹ «Studies», 30.

² Гомеровский эпитет слоновой кости — «резная», *πιστοῦ ἐλέφαντος*, Od., XVIII, 196; XIX, 564, но сближать *πιστός* с *qeqinotena* нет никакого основания.

³ См. Cic., Att., XIV, 7: *litterae sane πεπινωμένοι... πίνος litterarum significat doctorem*; там же, XV, 16; *litterae πεπινωμένως scriptae... itemque ceteri praeclare scribunt*.

⁴ См. Rhet. ad Herennium, 4, 46: *επίπνεια*, «die alte, einfache Schönheit» (Passow), *επιπνής*, «stätlich, schön, glänzend» (Passow—Oribas. p. 102 Mal.), *ἀρχαιοπιπνής* (Dion. Halic., Ant. Rom., I, 16).

⁵ «beschmieren, mit Farbe bestreichen, überstreichen, übertünchen» (Gorges) — Petr., 102, 1: *color arte compositus inquinat, non mutat*; Vitruv., 7, 3, 11: *parietem limo inquinare*; Petr., fr. trag., 16: *nam litteris satis inquinatus est*; Martial., IV, 4, 6: *bis murice vellus inquinatus*, «парус, дважды окрашенный пурпуром».

чем здесь употреблен глагол *μυαίνω*, также означавший в позднейшее время «пачкать»: *ὡς δ' ὅτε τις ἐλέφαντα γυνή φοίνοι μίμητι...*

Следовательно, в наших инвентарях противопоставлены друг другу два вида отделки мебели: 1) рельефными украшениями и 2) раскраской. В Та 642,2 применены обе процедуры сразу: *ερεπετε αјамена qeqinoto* «снабженная барельефными украшениями из раскрашенной слоновой кости» — это не может нас удивлять, так как в античности статуи раскрашивались. Поэтому в тех случаях, когда при *qeqinomeno* или *qeqinoto* стоит название изображения, напр., *qeqinoto toqize, qeqinomeno toqize* — *τορπίδει* (?), «спиралью» (642,3; 713,1,2), мы должны считать, что речь идет не о рельефном изображении, а о рисунке, сделанном краской.

Что касается художественной (*περικαλλής*, II., XI, 632) посуды, то у Гомера мы встречаем неоднократно упоминание о *τρίπος, δεπας, φιάλη, ἀμφιφορεύς*, о которых говорится и в крито-микенских надписях. Особенно важно для доказательства правильности чтения Вентриса, что изображенные на этой надписи треножники и чаши имеют точно такое число ушек, как указано в тексте надписи. Ушки были предметом особого внимания в это время и отделялись наиболее тщательно. В «Илиаде» (XVIII, 372) Гефест, изготовив треножники, особо приделывает к ним ушки искусной работы (378: *ὄσπερ δαιδάλεα*). На позднейшем Кипре на ушки также обращалось особое внимание¹.

Чаши (*zipa*) имели особое религиозное значение на Крите микенской эпохи: каждая *pa₂sirevija* посвящала богам «чашу без ушек», *zipa anovoto* (K 875):

Perita *pa₂sirevija zipa anovoto*,

Kenajo *pa₂sirevija zipa anovoto*,

и т. д. 6 раз (верх надписи обломан); в конце надписи нарисована чаша без ушек с цифрой 10.

На треножниках вообще мы здесь останавливаться не будем; я скажу об этом подробно в моей книге «Язык и культура микенской Греции» (в печати).

Встретившееся нам в надписи Tn 996 обозначение для ванны *revoterejo* у Гомера отсутствует — здесь ванна обозначена догреческим словом *ἀνάμιδος* (Od., XVII, 87; XX, 297), но то, что Гомеру было известно и это название, видно из следующего: в пиловских надписях неоднократно упоминаются *revotorokovo* — *λεοτροχοῖ*: (Aa 783; Ab 553; Ad 676); это — рабыни, прислуживающие при купании в ванне, *revotorejo*. У Гомера также упоминаются такие рабыни или рабы (Od., XX, 297: *ἢε λεοτροχοῖ: ἢε... τιν' ἄλλω: ὄρωων*).

Отметим еще, что в надписях в инвентарях художественных изделий иногда указан художник, сделавший ту или иную вещь; в виду того, что культура Крита была выше микенской, специально указывается, что мастер — критянин, Та 641,1: *Άκευ Keresijo veke, Αίγεος Κρησιος Φέργες*, Та 641,1: *Κρησιος Φέργες*. Точно так же в Od., XIX, 55 указывается: *ἦν (κλισίην) ποτὲ τέκτων ποιήσα(ε) Ἴκμάλιος*².

¹ См. надп. 161,2 Hoffmann: *xelorse ta lito pepaza kateti posirokoto ovateeke, ... ἀξ Ἐλωρος τα(ν) λιθο(ν) πέπαζαν κατ' ἐτι πος Ἴροκτο(ς) ὦφαι' ἐηκε: ушки делает особый мастер.*

² Теперь Палмер (BICS 2, p. 43) предложил более удачное чтение — *Keresijoveke, ΚρησιοΦέργες*, «критской работы»; это обычный способ высоко квалифицировать посуду и мебель в надписях и у греческих авторов классической эпохи, ср. *Κορινθιουργγες, Μιλησιουργγες, φιάλαι Λυκιουργγεις, κανθαρος Ναξιουργγες, κλίνη Χιουργγες, τρῆπεζα Ῥηνιουργγες* и т. д. *Άκευ* (Та 641,1) и (31) *кеυ* (Та 704), как я полагаю, не с божественные имена, а обозначение формы котла треножника («узкий», «широкий»). Об этом подробнее в моей указанной книге.

Надписи, относящиеся к военному и морскому делу, также могут сужить материалом для иллюстрации гомеровских поэм.

Как отметил Вебстер¹, терминология частей колесниц у Гомера совершенно иная, чем в надписях: многочисленные гомеровские технические термины для частей колесниц (*δίφρος*, *ἵψος*, *ἐπίσσωτρα*, *πλήμικαι*, *ἰμάντες*, *ὑμός*, *λέπαδνα* и т. д.) вовсе не встречаются в надписях; и, наоборот, у Гомера не встречаются обычные термины надписей: *opija*, *p'eno*, *pera₂to*, *su₂ro*, *kokiza opa*, *arekesitojo opa*, *ozakeveta*, *temi(71)ta* и т. д. (кносские надписи группы S). Для изготовления колесниц употребляются другие породы деревьев: у Гомера — тополь (II., IV, 486), дуб (II., V, 838), фиговое дерево (II., XXI, 37); в надписях — вяз (*p'tereva*, *πτελέα* — So 0431, 0439, 0445, 0448, 0449) и ива (? *erika*, *ἐλίκη* — So 0430, 0434, 0436, 0438, 0441, 0447). Отделка колесниц в надписях и у Гомера также различная: кносские колесницы инкрустированы слоновой костью, гомеровские — бронзой (лишь в одном случае — в надписи Sc 223 — рядом с изображением колесницы стоит идеограмма, обозначающая бронзу). Если В. Георгиев прав, интерпретируя термин *opa* как *ὄρπα*, коса, то кносские колесницы были снабжены косами, прикрепленными к оси, как впоследствии в персидском войске (Xen., *Anab.*, I, 8, 10); ни о чем подобном Гомер не упоминает. Очевидно, военная техника в Малой Азии гомеровского времени была совершенна другой, чем в микенскую эпоху, и старая техника была основательно забыта.

Однако можно указать и на черты сходства. Мы говорили уже о налбониках для лошадей — они, как правило, кожаные (*virinejo*) и только в одном случае (Sd 0403) — из слоновой кости (*erepatejo*). Как указал Палмер², такое украшение коня из слоновой кости описано в II., IV, 141:

Словно слоновая кость, обогрнная в пурпур женоу
Карскою или меонскою — конской главе украшенье —
В доме лежит у нее, и многие конники страстно
Жаждут ее получить, но ждет она лишь базилея, —
Будет она убором коню и коннику славою.

Термин *ἡνία* (*anija*), «вожки», употребляется как в надписях, так и у Гомера (II., V, 583).

Самое название колесницы изменилось. В кносских надписях группы 04 она называется *iqi₂jo* или *iqi₂ja*, *ἡ ἵππιος* или *ἡ ἵππία*, причем под этим подразумевается и возок и кони («конское снаряжение»). У Гомера колесница называется *ἀρμα* или *ἀρματα*, причем этим термином обозначается только сама колесница, поэтому всегда употребляется выражение *ἀρματα καὶ ἵπποι* или *ἀρματα καὶ ἵπποι* (II., II, 383—384; IV, 366; V, 192 и 237). Однако след старого названия для колесницы, *ἡ ἵππιος*, сохранился в виде пережитка в выражении *ἵππιου ἄρμης*, «сражающийся с колесницей» (Od., XI, 259; II., XXIV, 257). Как в кносской надписи, так и у Гомера упоминается специалист — колесничный мастер (So 0442: *[iqi]ja(s) amote — ἵππίας ἀρμοστής*; II., IV, 484: *ἀρματοπηγός ἀνήρ*).

Герой, едущий на колеснице, называется у Гомера либо *ἵππεύς*, либо *ἵπποτα*; так, в частности, называется пилосский базилей Нестор (Γερήνιος ἵπποτα Νέστωρ — II., II, 336, 433 и 601; Od., III, 68, 253 и др.). Это слово стало почетным титулом, обозначающим принадлежность к высшему сословию. В надписях микенской эпохи пока не встретилось слово *ἵππεύς*,

¹ «Bulletin of The Institute of Classical Studies of The University of London», № 1, 1954, стр. 16.

² «Gnomon», 1954, стр. 66.

но обычный термин *egeta* несомненно то же, что *ἰππέτα* = *ἰππότα* (ср. *οἰκέτης*: *οἰκότης*¹, *δαμέτας*²: *ἡ δαμοότης*³, или *ἰππευτής* (Pind., Pyth., 9, 217; Eur., Herc. fur., 408 — *υ* в дифтонге обычно не пишется). Эти *egeta(j)* не только сражаются с колесниц, но, как у Гомера, стоят во главе отрядов пехоты (надп. An 519, 654, 656, 657 и 661).

Впрочем, такое толкование этих надписей основано на моем понимании слова *egeta*, отличающемся от понимания Вентриса; поэтому здесь необходимо остановиться на одном разногласии между мной и этим ученым. В перечисленных надписях, тесно связанных между собой, несколько раз повторяется формула: *metaqe pei egeta* (собственное имя); этой формулой заканчивается каждый раздел списков формирований. Формула эта напомнила Вентрису ст. 234 кн. XVIII «Илиады»:

μετὰ δὲ σφί ποδώκης εἶπετ' Ἀχιλλεύς
δάκρυα θερμὰ χέων.

Здесь говорится об Ахилле, следующем за людьми, окружившими труп Патрокла. Ахилл здесь не предводительствует и никем не руководит — Гомер хочет только описать его глубокое горе. В наших же надписях каждый раз назван соответствующий военный руководитель (*egeta*); слово *ἴππετα* «следует за кем-нибудь» здесь не подходит по смыслу. *pei* Вентрис понимает как *σφεῖς* (вин. пад.), но *μετὰ* с винит. пад. может означать только «(идти) за к.-н.» или «(идти) после к.-н.», или «(идти) к к.-н.», но никак не может дать смысла «стоять во главе», «руководить». Кстати, Вентрис не в праве переводить *egeta* словом «count», *comes*; *comes* означает по-латыни «слуга, раб, приспешник», а значение «граф» оно облучило только в средние века, и не потому, что граф «следует во главе народа», а потому, что он является слугой, приспешником монарха. Понимание *pei* как *σφεῖς* неудачно потому, что оно не дает надлежащего смысла в надп. Na 395, где читается *tosaze pei keuroza esareu*, с предшествующим «*ereuterose* (льна) 15». Как я показал (ВДИ, 1955, № 3, стр. 12—13), *keuroza* = *καρποδα*, а из надп. Na 568 ясно, что это слово служит прямым дополнением к *ereuterose*: *esareu keuroza ereuterose*. Поэтому *σφεῖς* здесь неуместно: во-первых, из надписи не видно, кто эти *σφεῖς*, и во-вторых, по правилам греческого языка говорится *ἐλευθερώω τινά τιος*, а не *τινός τι*. В разбираемую эпоху *r* произносился слабо и часто выпадал: так что *pei* = *peri*. Это дает прекрасный смысл, но в формуле *metaqe pei egeta* остается непонятным слово *metaqe*. Так как *p* часто стоит вместо *q*, а корень слова *Metapa* нам не известен, то я пришел к выводу, что *Metaqe* = *Metape(j)*, приведя ряд аналогичных примеров. Вентриса это толкование не удовлетворило: в своих «*Studies*», стр. 43, он снабдил его двумя вопросительными знаками. И в самом деле, на первый взгляд непонятно, почему отряды воинов из самых различных частей страны оказываются в *Metape*.

Толкование этого слова существенного значения не имеет — *meta* может быть самостоятельным наречием со смыслом «вместе», «сообща». Однако я пока не вижу достаточных оснований для того, чтобы отказаться от своего толкования. Из надп. An 724 мы узнаем, что местом сбора пилосских моряков была назначена гавань Роова. Равным образом не должно удивлять и то, что местом сбора сухопутных сил была назначена *Metapa*

¹ K. Meisterhans—Ed. Schwyzer, Gramm. d. attisch. Inscr., В., 1900, стр. 117.

² IG, XII, 1, 1032, Carpathus.

³ Этот вопрос рассмотрен в моей книге «Язык и культура микенской Греции» (в печати).

и что здесь колесничие должны были принять под свое командование сухопутные силы,— может быть, для отправления в какой-нибудь дальний поход¹.

Эти отряды, которые, согласно моему толкованию, должны были прибыть в Метану из различных частей страны и стать под начальство egeta(j), сами состоят из шехи: в надп. 654 читаем pezijeve—πεζιγιβες, πεζεις, ср. у Гомера πεζοί, (напр., II, II, 810; IV, 231; XI, 151 и 527; XXIII, 133; Od., XXIV, 70 и др.).

Как указал Вебстер², техника боя в течение промежутка от микенской эпохи до времени Гомера существенно изменилась: у Гомера колесницы служат, как правило, только для перевозки героев из одного места в другое, тогда как в Кноссе упоминаемые в надписях сотни боевых колесниц, несомненно, употреблялись для боя сомкнутым строем. Некоторые из βασιλευοντες посят название egeao atomo (Кносс, V, 56) или egeaotomo (Пилос, Sn 64, 8), т. е. ἰππίων или ἰππίων ἄρθμων³. Очевидно, они стояли во главе отрядов колесниц, как позже стояли во главе отрядов всадников спартанские ἰππάρμοσταί (Xen., Hell., IV, 10; V, 12)⁴.

У Гомера, как указывает Вебстер, еще сохранилось воспоминание о массовом колесничном бое микенской эпохи.

Пусть ни какой колесничий, на доблесть свою полагаясь,
 Не пожелает один перед строем с троянцами биться,
 И не отступит назад, ибо так одолеют нас легче...
 Некогда наши отцы, соблюдавшие мудрость такую,
 Храбрость имея в груди, города разрушали и стены (Il., IV, 30).

О сборе гребцов для морской экспедиции рассказывает надп. An 724⁵, которую только в самое последнее время удалось восстановить полностью из обломков. Она начинается словами: Roova egeta areote, «гребцы, не явившиеся в (гавань) Roova», далее указывается, какими должностными лицами те или иные люди были освобождены от явки. В каком-то селении (название стерто) какое-то количество человек (цифра обломана) освободил сам «воевода» (gavaketa). Это место надписи напоминает ст. 296 кн. XXIII «Илиады»:

(ἵππον Ἀθήνη)
 τὴν Ἀγαμέμνονι δῶκε Ἀγχισιάδης Ἐχέπολος
 ὁρ', ἵνα μὴ οἱ ἔποιθ' ὑπο Πίλον ἠνεμόεσσαν
 ἀλλ' αὐτοῦ τέρποιτο μένων...

«Эфу, которую в дар Эхепол Анхисид Атрейону
 Дал, чтоб ему не итти на войну под ветристую Трою,
 Но наслаждаться спокойствием дома...»

Можно отметить ряд совпадений и в терминологии общественных установлений. И в надписях микенской эпохи и у Гомера термин pa₂sigeu, pa₂sireviote, βασιλεύς, βασιλευοντες употребляется для обозначения не только царя, но и многочисленных лиц высшего ранга: так в пилосской надписи Sn 64,1 этот термин употреблен для обозначения лиц, стоящих

¹ Необходимо указать, что оба толкования — и Вентриса и мое — наталкиваются на серьезные грамматические трудности. При его толковании приходится допустить, что уже в микенскую эпоху существовала поздняя аттическая форма в и н. пад. мн. ч.—σφεῖς; при моем толковании — что Ζιφεύς(υ) и Ἀλεξτροῦ — вин. пад. (зависящий от peri); об этом будет сказано в моей книге «Язык и культура микенской Греции».

² «Antiquity», № 113, 1955, стр. 13.

³ С. Н. М ü h l e s t e i n, «Museum Helveticum», 12 (1955), стр. 123.

⁴ Если кносскую надпись X 1618 [- -] tanatomo (чтение Броунинга) надо дополнить [eget]tanatomo, то мы бы имели еще одну форму этого названия: ἰππετων ἄρθμων.

во главе селений, а также начальника отряда колесниц. Как и у Гомера, при каждом басилее микенской эпохи имеется совет старейшин, *keronsija*, *κερόνσια*, *κερούσια* (правильный перевод и понимание этого термина дал впервые Вебстер в указанной статье в «Antiquity»). В пиловских надписях An 261 и 616 после заголовка (род. пад. собственного имени) и слова *kerosija* идут имена отдельных лиц; возле каждого: «(чел.) 1», а затем итог, например, *Apiqotao kerosija* «(чел.) 17», т. е. перечислены геронты каждого басылея. Этот список составлен, очевидно, на предмет отпуска продовольствия для совместных обедов: действительно такой же смысл имеет и надп. Fn 50, но здесь вместо *kerosija* употреблен термин *pa₂sirevija*, причем указывается, сколько ячменя отпущено каждой такой *pa₂sirevija*. Ср. II, IV, 344:

Пир когда для геронтов мы учреждаем, ахейцы
Там приятно для вас насыщаться жареным мясом,
Кубками вина сладкие пить, сколько хочется сердцу.

Геронтам отпускается для их пиров особое красное вино высшего качества (II, IV, 259: *κερούσιον ἀΐθονα αἶνον*), ср. особый лучший сорт шерсти для *vanaka* (*vanakatera*, Кносс, Lc 525) и для *egeta(j)* (*egetija*, Кносс, Ld571; 572; 871); на общих пирах для народа, когда каждый получает лишь свою определенную порцию (*δαΐτρον* = *μερος*), геронты пьют и едят, сколько им угодно (II, IV, 263).

В крито-микенских надписях часто встречается термин *voeu* (для обозначения одной из категорий зависимых людей¹). Это же слово, по моему мнению, читается в ст. 84 кн. X «Илиады». Здесь рассказывается, что Агамемнон встал ночью и пошел к палатке Нестора; Нестор, завидя приближающегося человека, спросил: «Кто темною ночью бродит один по лагерю... ища либо кого-нибудь из *οὐρῆες*, либо кого-нибудь из *ἐταῖροι*? (*ἦε τίς οὐρέων διζήμενος ἦτις ἐταίρων*); *Ἐταῖροι* — это аристократические спутники, окружающие каждого басылея, его свита. Сами басылеи, в свою очередь, назывались *ἐταῖροι*. Агамемнона (II, IV, 266). Этим *этайрам*, естественно, должны противопоставляться простые люди; между тем, *οὐρῆες* обычно означает «мул», и получается нелепый контекст: «Ищешь ли ты кого-либо из знатных спутников или из мулов?» Нелепость этого противопоставления и побудила ряд редакторов Гомера считать этот стих неподлинным. Между тем, слово *voeu*, *οὐρέος*, по законам ионийского диалекта, должно было у Гомера получить форму *οὐρέως* (*οὐρέως* = у Гомера *οὐρος* и т. д.). При таком переводе получается хороший смысл: «Ищешь ли ты кого-нибудь из свиты или простого человека?»

В надписях Ae134, а также Ae27 и 108, пастух, надзирающий за чужим стадом, назван *ākipata opī Taramataa qetoroporo gomeno aiγipάτας ἐπί Θαλασσίταιο τετροπόδφι ὄρομενος*. Вентрис обратил внимание на то, что это выражение точно в таком же виде встречается у Гомера (Od., XIV, 104, ср. III, 471): *αἰπόλια βοσκονται... ἐπὶ δ' ἄνερες ἐσθλοὶ ὄρονται*.

Не менее интересны совпадения и в области магически-религиозных представлений. В кносских надписях Ch 1015 и 897 встречается слово, которое, следуя правилам чтения, данным Вентрисом, надо читать *voqoso* и транскрибировать *Φοῖνοφος*, *Φοῖνοφος*. Но так как, по мнению Вентриса, такое чтение не дает смысла, то он специально только для этого слова устанавливает особые правила чтения и читает *Φοῖνοψ*, «виноцветный» (имя лошади). Однако неверно, что регулярное чтение *Φοῖνοφος* не дает здесь смысла: *ὄψον* означает «лакомство», «приправа»,

¹ См. С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции.

и соответственно этому прилагательные на *-οφος* означают «получающий такую-то приправу», напр. *εὖοφος*, «с хорошей приправой», *γλυκύοφος*, «со сладкой приправой», *πολύοφος* «получающий много приправы», *ἄνοφος*, «без приправы» и т. д. Соответственно этому *οἶνοφος* — «получающий в приправу вино». Но может ли быть, чтобы конь получал в приправу к пище вино? Да, именно такую приправу получали «божественные» кони во времена Гомера. Обращаясь к своим коням, Гектор (II., VIII, 185) говорит:

Ἄνδρομάχη...
 ὄμῳ πᾶρ προτέρωσι μελίφρονα πύρον ἐθήκειν
 οἶνον τ' ἔγκρασσασα πικρὸν ὅτε θυμὸς ἀνώγει

«Часто моя Андромаха.

Первым вам предлагала пшеницу пьянящую¹ в пищу,
 К ней примешавши вина, чтоб пить по желанию сердца».

Многим ученым, например, Фридлендеру и ван-Леевену, это казалось нелепым, и они вычеркивали из Гомера весь этот абзац². Но Финзлер, лучший знаток Гомера, уже в 1908 г. возражал против этого (Homer, Lpz, стр. 276): «Глумление по поводу лошадей, пьющих вино, исходит от толкователей, никогда не имевших дела с лошадьми». Имя коня *Οἶνοφος* в кносской надписи показывает, что кормление вином лошадей, считавшихся божественными существами, действительно было обычаем в описываемое Гомером время.

Есть основания предполагать, что на Крите чтился в качестве божественного существа Деревянный конь (*Δρυφίος ἵππος*). О том, что кони ко времени Гомера считались божественными сверхъестественными существами, мы знали уже из «Илиады». Мы видели выше, что коней поили лучшим вином; Андромаха подносила им пищу даже раньше, чем вернувшемуся из сражения герою Гектору. Обращение к коням с просьбой о помощи характеризуется как молитва (VIII, 198: *ὡς ἔφατ' εὐχόμενος*). Кони всегда (и у Гомера и в крито-микенских надписях) называются по именам. Подобно гомеровским героям, они — потомки богов и имеют славную родословную (XVI, 150), но в противоположность этим героям, они бессмертны (XVI, 154: *ὅς καὶ θνητὸς ἔων ἐπεθ' ἵπποις ἀθανάτοισιν*; 866: *ὄκνεσ ἵπποι ἄμφοτεροι*). В книге XVII, 427 и сл. они оплакивают погибшего Патрокла по всем правилам ритуала:

«Кони...

Плакали, чуть увидав, что их благородный возница
 Рухнул...

Кони стояли недвижно,

Голову долу повесив. С ресниц их горячие слезы
 Лились на землю в песок, с тоски по вознице убитом.
 Пышные гривы коней вдоль ярма из ошейников пали
 Наземь с обеих сторон и черной землей загрязнились».

Не гибель Патрокла, а горе коней вызывает сострадание у Зевса (ст. 441 и сл.). Они умеют говорить человеческим голосом (XIX, 404): *προσέφη πόδας αἰὼλος ἵππος Ξάνθος*) и обладают даром прорицания (420: *Ξάνθε, τί μοι θάνατον μαντεύεαι*), заранее оплакивая близкую смерть Ахилла.

¹ *μελίφρων* — обычный эпитет вина у Гомера, например, II., VI, 264; Od., VII, 182; X, 356 и др.

² См., например, van Leeuwen, *Homeri Iliadis carmina*, Leiden, 1895, стр. 205: «*verba absurda*».

К. М. Колобова¹ сопоставила большой материал, относящийся к культуре коня в древнейшей Греции; она истолковала ряд рисунков крито-микенской эпохи как поклонение коню. Но особенно интересен собранный ею материал, относящийся к Деревянному коню (*Δοῦρξιος ἵππος*). Она приводит изображение на печати микенской эпохи (т. е. до «похода на Трою»), где рядом с кораблями изображен гигантский деревянный конь²; на арибалле VI века до н. э. изображен бой у Деревянного коня, о чем нет речи в гомеровском рассказе о Деревянном коне. Вслед за Найтом, К. М. Колобова приходит к выводу, что «Деревянный конь, погубивший Трою, является пережитком более древних представлений, согласно которым не конь был орудием воли людей, а люди были орудием его воли»³.

Крито-микенские надписи, как мне кажется, дали дополнительное подтверждение этому предположению. При описании колесниц на Крите указывается, в каком городе изготовлена каждая колесница, какими принадлежностями она снабжена (*araromotemena*) и чего в ней недостает. В этом перечислении в надп. Sd 0413, кроме кожаного налобника для коня и вожжей, читается еще *zovejo iqoeqe*; в других надписях часть этих слов обломана или стерта, но их нетрудно восстановить по оставшимся буквам: Sd 0404: [zove]jo iqoeqe, 0414 + 0407: [zo]vejo iqoeqe, 0483: [araromo]temeno e[iqoeqe?] zovejo. Вентрис и Чадвик (*Evidence*, 100) дали правильное чтение слова *zovejo*, *δοῦρξίω*; Вл. Георгиев сравнил этот эпитет с гомеровским *δοῦρξιος*, *δοῦρξίσιος*. Но он без нужды усложнил вопрос, читая *iqoeqe* как *iqoipzi* и привлекая сюда глоссу *ἰφονδᾶσιωτῆριον*, — непонятно, что такое «деревянные оковы» для коня. Между тем, *iqoe*, *mitovesae* — это старые (кносские) формы дат. пад., встречающиеся впоследствии и в Беотии⁴, а *qe* — обычный союз *te*, «и», «а». Итак, колесницы в числе других принадлежностей снабжались еще «Деревянным конем». Мы видели выше, что Деревянный конь считался божественным существом, и его изображение могло иметь апотропеическое значение.

Конечно, это чтение остается пока проблематичным. Но если мы вспомним, что при описании мебели и сосудов часто точно перечисляются имеющиеся на них изображения, то должны будем признать, что указание на изображение коня при описании колесницы вполне естественно.

Здесь сопоставлен лишь случайный материал. Несомненно, исследователю, который поставит себе специальной целью более глубокое изучение параллелей между надписями микенской эпохи и поэмами Гомера, обнаружит больше совпадений или черт сходства между ними.

¹ К. М. Колобова, Из истории раннегреческого общества, Л., 1951, стр. 52—64.

² Ук. соч., стр. 60; A. Evans, The Palace of Minos, V, 2, стр. 277 слл.

³ Ук. соч., стр. 62; W. F. J. Knight, The Wooden Horse, Cl. Phil., XXV (1930), стр. 359 слл.

⁴ См. С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции (в печати).